

В третьем номере за 2014 год омского литературно-художественного журнала «Менестрель» была опубликована пьеса «Лётчик» Нины Садур. Не могу отнести себя к числу знатоков её прозы и драматургии, хотя помню пьесу «Панночка», шедшую в омском драматическом театре. И вот теперь – публикация в «Менестреле», прочитанная мною, что называется, на одном дыхании.

...Соприкосновение с мистикой творящегося действия, именуемого жизнью. Жизнью, в которой мы, да простит меня Шекспир, – не более чем актёры на сцене. Актёры, выучившие на зубок свои роли, но забывшие, что за пределами сцены есть другая жизнь, ведомая режиссером, а нами – материалистами – лишь смутно угадываемая, да и то, если пристально вглядываться. А вглядывается далеко не каждый. Нина Садур вглядывается...

Вглядывается, продолжая в своей собственной манере, в традициях предшественников, прежде всего, Гоголя и Булгакова, с творчеством которых видятся прямые параллели. А ещё миры, рисуемые Ниной Садур, близки, на мой взгляд, мирам Говарда Филлипса Лавкрафта и Стивена Кинга – известных мастеров жанра мистического ужаса. И в их, и в её произведениях происходит смешение реальности и наваждения, повседневного и сверхъестественного, порядка и хаоса.

Грань незаметна, одно плавно переходит в другое. И вот уже ловишь себя на мысли: какая же из реальностей – настоящая: та, которую мы наблюдаем, или же которую воображаем, предчувствуем, прозреваем в мечтах и помыслах? Понятно, что не каждый читатель, в особенности воспитанный на материалистическом мировоззрении, сможет и захочет разделить и оценить подобный подход. Мне же он показался достаточно близким и созвучным с собственными мыслями о сверхъестественной стороне жизни, запрещённой реальности, несомненно существующей, но тщательно скрываемой от нас. Так и мы сами, обычно скрываем от недобрых посторонних глаз свой сокровенный внутренний мир под масками внешней обыденности, подчиняясь правилам игры, установленным не нами.

В отличие от нас, персонажи «Лётчика» масок не носят, обнажая изнанку своих душ. Помыслы одних грязны и зловонны, как помойка, другие стремятся укрыться от жутковатой действительности, уходя в себя, погружаясь в бредовый и тоскливый транс. Но и первых, и вторых, объединяет общая удушающая атмосфера одиночества, граничащего с безумием.

Так от бытовой неприглядной конкретики автор протягивает нити к философскому осмыслению реальности. Нашей – или некоей параллельной? На первый взгляд всё узнаваемо. Герои живут в мире постсоветского безумия, приметы которого знакомы до боли. Это и гастарбайтеры, и риэлторы, и спецназ, и учителя с садистскими наклонностями, и нищие ветераны, заблудившиеся во времени. С другой стороны, все утрировано, подчеркнуто-карикатурно, абсурдно, словно иллюстрация одного из адских уровней, описанных Даниилом Андреевым в «Розе мира». И всё же этот мир – наш, просто привычный, обжитой, потому и безумие его многими не замечается. Нина Садур же выставляет это безумие напоказ. И мир проявляется во всей соей ущербности, опасности, ненадёжности. Такими глазами его и нас могли бы увидеть мудрые инопланетяне, посетившие Землю. В этот мир неуклонно прорываются, разбуженные людьми, тайные мистические силы, которые предстают то в виде потоков света, льющегося с высоты, то бурана, поглощающего попавших в него персонажей. Что это: мираж – или реальный апокалипсис?

Картины безумия происходящего, отравленной ноосферы автор дополняет символическими образами, усиливающими впечатление, хотя вначале не совсем понятными. Это многочисленные мешки, для чего-то выставленные на мороз предприимчивым риэлтором Лазуткиным, это дневник Лены Зацепиной, который никто не проверяет, это чучело белой медведицы в квартире бывшего полярного лётчика Паоло... Но всё имеет свой

смысл. Символы скрывают аллегория. Не случайно в мешках, в каких преступники обычно выносят расчленённые трупы, оказываются старухи в костюмах снежинок, выселенные из квартир, фактически обречённые на бездомную смерть, и сливающиеся затем в диком танце со всепоглощающей метелью. Неспроста никто не хочет проверять дневник Лены Зацепиной. Зачем вообще кому-то нужна сирота, тем более лишившаяся квартиры? Разве что лишь затем, чтобы в очередной раз грубо насмеяться над юродивой. А белая медведица, спасшая когда-то в полярных льдах раненого лётчика Паоло, из которой сделали чучело? Вероятно, это символ матери-природы, от которой человек отказался, которую стал убивать, и потому сам духовно ослеп, заблудился. Итог печален – искусственная жизнь, доведённая «просвещённым» материалистическим человеком до абсурда, до безумия. Так стоит ли удивляться тому, что созданный им, бессмысленный искусственный мир оказался нежизнеспособным, и рушится на глазах как карточный домик, как страна СССР, от которой у некоторых представителей старшего поколения остались лишь красивые воспоминания, да и те по большей части – нереализованные мечты о сказочном коммунистическом будущем, представлявшемся нам в духе «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, но в реальности оказавшимся «Часом быка».

Финал произведения можно охарактеризовать как оптимистическую трагедию. Раскрывается тайна старого лётчика. Становится понятным, кого и зачем искал доблестный спецназ. Оказывается, во время своих полярных странствий лётчик обнаружил путь в таинственную страну прошлого золотого века человечества – Гиперборею. И вот теперь, когда безумный мир рушится, Паоло, вместе со своим другом дворником – таджиком, открывает портал, скрывающийся в медвежьем чучеле, спасается сам и утягивает за собой в Гиперборею всю Москву. Так природа-медведица во второй раз сумела спасти лётчика, а с ним, может быть и человечество, предоставив им ещё один шанс. Будущее соединилось с прошлым, создав новое настоящее...

Но, как говорится, это уже совсем другая история, и в прямом, и в переносном смысле.